

УДК 821.161.09:061.2(4/9)
ББК 83.3(2Рос=Рус)5+66.77

Л.Н. ТОЛСТОЙ И ГААГСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1899 ГОДА

Н.Ю. Николаев

Выявлены взгляды Л.Н. Толстого на Гаагскую мирную конференцию 1899 года. Рассмотрена критика писателем правительственной политики «государственного пацифизма».

Ключевые слова: конференция, пацифизм, милитаризм, война, разоружение, правительство, военная служба.

12 (24) августа 1898 г. всем аккредитованным в Санкт-Петербурге дипломатам иностранных государств министром иностранных дел М.Н. Муравьевым была вручена циркулярная нота. В ней предлагалось созвать международную конференцию для обсуждения вопросов, связанных с сокращением вооружений и военных ассигнований [1, д. 4687, л. 4–5, 8, 10]. В окончательном виде программа будущего мирного конгресса была сформулирована в конце 1898 года. Основное внимание в ней уделялось мирному разрешению международных конфликтов и кодификации гуманитарного права [1, д. 4715, л. 4–4 об.].

Идея проведения мирной конференции активно обсуждалась многими общественными деятелями России. «Впечатление, произведенное этой нотой (имеется в виду циркуляр 12 (24) августа 1898 г. – *Н. Н.*) на население, – писал известный юрист Л.А. Камаровский, – было огромное: никто ее не ожидал и толкам по ее поводу не было конца» [4, с. 9]. В то же время реакция на правительственную инициативу оказалась не столь благоприятной, как рассчитывали ее авторы. Радужные ожидания оптимистов нередко наталкивались на скептические оценки реалистов, представлявших, преимущественно, зарубежную общественность [24, с. 1–47]. Однако российская печать как либерального, так и консервативного направле-

ний большей частью приветствовала миролюбивые устремления правительства. Общая тональность оценок, на наш взгляд, имела доброжелательный и сочувствующий характер [6, с. 37]. Тем большим диссонансом на фоне оптимизма и порой завышенных ожиданий звучала резкая критика мирной инициативы со стороны Л.Н. Толстого.

Очевидно, что радикальные воззрения писателя не соответствовали концепции официального пацифизма. По мнению Т. Ёкота-Мураками, «его философия ненасилия и отказа от войны произошла не от концептуальной политической системы, в которой уже существующие национальные государства старались найти путь к “peace”, а от совершенного непонимания этой системы и пренебрежения ею» [3, с. 117]. Дихотомию государственного пацифизма и толстовского миротворчества отчетливо продемонстрировала оценка писателем августовского циркуляра.

Представляется, что известие о созыве мирной конференции оказало определенное влияние на ряд антивоенных статей Толстого конца 1898 – середины 1899 г., даже если российская инициатива в них напрямую и не упоминалась. В это период писатель активно занимался проблемой переселения русских сектантов-духоборов в Канаду [23, с. 197–218]. К 90-м гг. XIX в. религиозное диссидентство духоборов вылилось в радикальное антивоенное движение, выразившееся, в том числе, в массовом отказе от военной службы [2, с. 115–116]. Их антимилиаристские убеждения находили полную поддержку у Толстого, отве-

чая его идеалам личного миротворчества. Не случайно проблема преследования духоборов русскими властями присутствует во многих его произведениях, посвященных Гаагской конференции.

В конце августа 1898 г. Толстой закончил писать статью «Две войны». Формальным поводом для ее написания стала англо-испанская война. Несомненно, к моменту окончания работы над статьей он знал об августовском циркуляре, однако в ее тексте нет прямых указаний на него¹. Вместе с тем анализ содержания статьи дает достаточно полное представление о взглядах писателя на интересующие нас вопросы. Используя бинарный принцип, Толстой противопоставлял войну и антивоенное движение, представленное на российской почве «истинными миротворцами» – духоборами. Их движение автор именовал «другой войной», и, по его мнению, «это новая самоотверженная, основанная на одной любви и разуме, святая война...». Оксюморон «война против войны» лишь усиливает эмоциональный эффект восприятия текста. Толстой вновь резко выступил против парадигмы национального государства как носителя идей подлинного миротворчества. Все государства, считал он, обманывают людей, убеждая их в постоянной опасности со стороны других стран. Создаваемая атмосфера милитаризма и недоверия к соседним народам позволяет правительствам тратить огромные средства на вооружения, а обществу навязывать антигуманную призывную систему [11, с. 98]. В результате государственный пацифизм превращается в фикцию, политический фантом, призванный демонстрировать внешнее миролюбие при сохранении прежней милитаристской политики. «Государства все уверяют, – утверждал Толстой, – что хотят мира, и вместе с тем все вооружаются друг против друга» [там же, с. 99]. Эта сентенция представляется нам прямой аллюзией на августовскую инициативу российского правительства.

Первой непосредственной реакцией Толстого на российскую инициативу стал его ответ на телеграмму нью-йоркской газеты «The Sunday World», пожелавшей узнать мнение знаменитого писателя на августовский циркуляр. Толстой был очень резок в своих оценках. Будущую конференцию он охарактеризо-

вал как «отвратительное проявление христианского лицемерия». Писатель утверждал, что результатом предстоящего собрания будут лишь пустые слова. По его мнению, всеобщего мира можно достичь лишь при условии самоуважения и неповиновения государству, творящему насилие и убийства [9, с. 430]. До начала работы конференции писатель отправил письмо еще одной американской газете «New York World», видимо, попросившей его высказаться относительно возможных результатов ее работы. Ответ Толстого был не менее категоричен: «Все конференции могут быть выражены одним изречением: все люди сыны Божьи... и братья и потому должны любить, а не убивать друг друга. Извините мою резкость, но все эти конференции вызывают во мне сильное чувство отвращения за лицемерие, столь в них явное»² [8, с. 116–117].

Наиболее полно и последовательно позиция писателя относительно созыва мирной конференции изложена в письме группе шведских политиков и общественных деятелей, обеспокоенных проблемой наказания призывников за отказ от воинской повинности. Авторы послания предложили вынести данный вопрос на рассмотрение предстоящего мирного форума, чтобы добиться смягчения участи отказников, заменив им военную службу общественно полезным трудом. По их мнению, несмотря на то, что ждать серьезных результатов от конференции едва ли возможно, само обсуждение вопроса об отказе от воинской повинности по религиозным соображениям и принятие на этот счет какого-либо обязывающего решения стало бы демонстрацией серьезности намерений правительств и первым шагом к реальному политическому миротворчеству [10, с. 15].

Ответное послание Толстого было выдержано в непримиримом и даже порой агрессивном тоне. Признавая важность затронутой проблемы, он, тем не менее, указывал на несбыточность и эфемерность высказанных надежд. Писатель соглашался со шведскими корреспондентами, «что всеобщее разоружение может быть достигнуто самым легким и верным путем посредством отказа отдельных лиц от участия в военной службе». Более того, он был убежден, что «это единственный путь избавления людей от все усиливающихся и

усиливающимися ужаснейших бедствий военщины (милитаризма)» [10, с. 9]. Однако, по мнению Толстого, внесение этого вопроса в повестку работы мирной конференции было бы бессмысленным и неуместным поступком. Единственным «благим последствием» такого шага станет лишь обличение пустоты, праздности и лицемерия мирной инициативы. Правительства же, участвующие в конференции, никогда не допустят того, «чтобы люди могли безнаказанно отказываться от исполнения воинской повинности, потому что такой отказ подрывает в ее основании власть правительства и даже смысл его существования» [там же, с. 11].

Главным направлением работы созываемого собрания августовский циркуляр объявлял повсеместное сокращение вооружений и военных ассигнований. Неудивительно, что именно эти вопросы стали главной мишенью для критических замечаний Толстого. Каким же образом, задавался вопросом писатель, правительства планируют прекратить гонку вооружений? На этом пути он видел немало непреодолимых политических препятствий. Прежде чем останавливать рост милитаризма, рассуждал мыслитель, необходимо уравнять существующие вооружения стран-участниц, так как «правительства, которые во время сбора конференции случайно будут слабее, чем их соседи, не могут согласиться на то, чтобы и в будущем оставаться на таком положении, не увеличивая своих военных сил». В конце концов, почему именно существующий уровень вооружений должен послужить отправной точкой подобных мероприятий? «Если же дело конференции, – риторически вопрошал Толстой, – будет состоять в том, чтобы уравнять военные силы государств и на этом остановиться, то невольно возникает вопрос, почему правительства должны останавливаться на таком вооружении, которое существует теперь, а не на более низком, почему, если выражать силу вооружения количеством полков, нужно, чтобы у Германии и России было то большее количество полков, которое теперь существует, а не меньшее количество» [там же, с. 9–10]. Логика его размышлений была проста и очевидна: если появилась возможность уменьшить имеющиеся вооружения, то почему бы не довести это сокращение до минимальной численности.

При этом Толстой постоянно подчеркивал, что традиционные, привычные способы борьбы за мир не только не решают проблемы, но даже поощряются официальными политическими кругами. Парламентские дискуссии, рабочие выступления, социалистическое движение серьезно не беспокоят правительства и даже играют ему на руку, отвлекая внимание общества от действенных методов миротворчества, «состоящего в пробуждении человеческого достоинства и вытекающего из этого сознания отказа от военной службы и податей, назначаемых на военное дело». В итоге писатель пришел к открытому проповедованию ненасильственного анархизма: «До тех пор пока правительства будут управлять своими подданными силою, они будут разрешать свои международные недоразумения тоже силою, и для этого войска правительств будут постоянно увеличиваться. *Покуда будут правительства, будут и все увеличивающиеся войска, покуда будут войска, будут и правительства* (курсив наш. – Н. Н.)» [10, с. 11–12].

Отрицая эффективность государственного миротворчества, Толстой стремился предложить альтернативную систему борьбы с милитаризмом. Аморальному поведению правительств он противопоставлял нравственные усилия общества. Уменьшение вооружений возможно, но не благодаря политической воли государств, а через осознание людьми «своего человеческого достоинства, не позволяющего им быть добровольными рабами-убийцами». Добиться этого можно лишь посредством этического просвещения населения, уничтожением в нем рабской психологии, осознанием преступности не только войн как таковых, но и сопутствующих милитаризму явлений, прежде всего обязательной военной службы [там же, с. 12].

В конце своего послания писатель вновь убежденно говорил о бесполезности проведения голословных правительственных конференций. Для реальных же действий в деле умиротворения «нужно, чтобы общественное мнение приписывало важность не собранию наряженных в смешные костюмы представителей держав... а напротив клеймило бы презрением и насмешкой такого рода собрания, имеющие целью только закрепить рабство людей,

и приписывало бы важность и значение только поступкам тех людей, которые словом и делом, не боясь страдания и смерти, заявляют сознание своего человеческого достоинства, отказываясь от участия в бесчеловечной организации убийств» [10, с. 13]. Лишь когда противники войны будут окружены всеобщим уважением, признаны передовыми борцами за свободу и прогресс человечества, когда число этих людей будет ежедневно множиться и насчитывать миллионы, вот тогда, по мнению мыслителя, можно будет говорить о победе над милитаризмом.

В начале января 1899 г. Толстой написал письмо известному шведскому писателю и путешественнику И. Стадлингу, в котором подчеркнул важность обсуждения российской мирной инициативы, а также просил поспособствовать в напечатании его послания в иностранных газетах [14, с. 31–32]. Однако вскоре Толстой решил откорректировать текст «Письма шведам», посчитав первоначальную редакцию «нескладной» [7, с. 154]. В исправленном виде статья под названием «Конференция в Гааге. Обмен мнений шведского общества и Л.Н. Толстого» была напечатана в Женеве незадолго до начала мирного форума [5].

При очевидном внешнем сходстве, окончательный вариант статьи несколько отличается от письма, отправленного для публикации Стадлингу. В ней Толстой стремился рассмотреть те вопросы, что первоначально не были им рассмотрены. В частности, третейское разбирательство, не упомянутое в первом варианте письма. Предложение российской стороны обсудить на конференции вопрос о разрешении международных конфликтов с помощью арбитража вызвало со стороны Толстого столь же резкие замечания, как и провозглашенное намерение сократить военные бюджеты и уровень вооружений. По его мнению, в предлагаемом третейском суде дела будут разбираться представителями правительств, а не народа, что скажется на справедливости итоговых резолюций. Писатель указывал и на возможные сложности с исполнением судебных решений, так как полностью отсутствует взаимное доверие между государствами. Кто будет, спрашивал Толстой, выполнять решения арбитража, если оно вдруг

окажется невыгодным для любой великой державы? Но даже если найдутся государства, решившие воплотить на практике третейский вердикт, то мир вновь будет поставлен под угрозу. В результате меры, призванные не допустить войны, будут проводиться в жизнь путем военного насилия [20, с. 61]. Кроме того, писатель коснулся и проблемы неиспользования «особо жестоких орудий истребления». Он считал, что запрещать использовать на войне варварские, но действенные виды вооружений столь же бесполезно, как препятствовать «касаться в драке наиболее чувствительных частей тела». Писатель резонно указывал и на отсутствие критериев бесчеловечности тех или иных видов оружия. Почему считается, рассуждал он, что рана и смерть от разрывной пули причиняют больше страданий, чем ранение обычной пулей в болезненную часть тела [там же, с. 62–63].

Безусловно, публично озвучивая свою позицию относительно созыва мирной конференции, Толстой рассчитывал на определенный резонанс в российском обществе и политических кругах. В феврале в послании своему старшему сыну Сергею он упомянул «Письмо шведам», заметив при этом, что оно «должно очень не понравиться в сферах, приближенных царю» [19, с. 73]. Несмотря на то что произведения, в которых Толстой давал оценку мирной конференции, издавались за рубежом, они публиковались на русском языке и были рассчитаны прежде всего на российского читателя³.

Тематика Гаагской конференции косвенно присутствует в ряде произведений писателя, написанных им в 1900 году. В июле этого года он написал статью «Не убий», поводом для которой стало убийство итальянского короля Умберто I. Размышляя о политике российского императора, Толстой вновь уничижительно охарактеризовал его миролюбивую инициативу: «Он предлагает детский, глупый, лживый проект всеобщего мира, в то же время делает распоряжение об увеличении войск, и нет предела восхвалению его мудрости и добродетели» [15, с. 204].

Неудача мирного конгресса стала одной из причин написания Толстым в начале 1900 г. статьи «Патриотизм и правительство» [18, с. 445]. В своем дневнике он так определял

ее будущее содержание: «Надо показать, что теперешнее положение, особенно Гагская конференция, показали, что ждать от высших властей нечего и что распутывание этого ужасного губительного положения если возможно, то только усилием частных отдельных лиц» [13, с. 10]. По мнению писателя, незначительные результаты мирного форума стали ударом по иллюзиям поборников государственного миротворчества. «Если мало и поверхностно рассуждающие люди, – указывал Толстой, – и могли еще утешаться мыслью, что международные судилища могут устранять бедствия войны и все растущих вооружений, то Гагская конференция с последовавшей за ней войной очевиднейшим образом показала невозможность разрешения вопроса этим путем. После Гагской конференции стало очевидно, что до тех пор пока будут существовать правительства с войсками, прекращение вооружений и войн невозможно» [17, с. 433].

Развивая свою мысль, писатель вновь отмечал дефицит доверия в международных отношениях, что препятствовало началу плодотворного мирного диалога между государствами. В условиях проведения агрессивной внешней политики, роста милитаризма и неприкрытого шпионажа «невозможно никакое соглашение, и всякая конференция есть или глупость, или игрушка, или обман, или дерзость, или все вместе». Русское правительство, инициировав проведение мирного конгресса, вело себя как испорченный ребенок («enfant terrible»), одновременно проводя завоевательную внешнюю политику, третируя национальные окраины и увеличивая военный бюджет. Неужели в подобной ситуации, удивлялся мыслитель, Россия всерьез полагала, что иностранные державы воспримут ее предложение как искреннее и последовательное. Впрочем, констатировал Толстой, политическому притворству и цинизму нет предела. И поэтому делегаты конференции, наперед уверенные в провале ее работы, тем не менее «добросовестно притворялись, что все они очень озабочены установлением мира между народами» [17, с. 433–434].

Обострение ситуации на Дальнем Востоке и начавшаяся Русско-японская война вновь заставили Толстого вспомнить прошедший мирный форум. В статье «Одумайтесь!»

писатель упомянул Гагскую конференцию, в очередной раз бичуя лицемерие официальных кругов, публично признающих «жестокость, ненужность, бессмысленность войны», однако продолжающих «захватывать чужие земли и усиливать войска для защиты этих захваченных земель» [16, с. 102, 104]. Рассуждения политиков о том, что ценности Гагской конференции не противоречат войне с Японией, Толстой именовал «извращенным орудием передачи мысли», свидетельствующим о совершенной потере «способности ясного, разумного мышления» [там же, с. 116].

Таким образом, оценка великим писателем российского мирного предложения, при всей ее очевидной резкости и категоричности, была весьма предсказуемой. Негативное отношение к официальному миротворчеству, вызывавшему у него отторжение откровенным лицемерием, определило его отношение к Гагской конференции. Для Толстого августовский циркуляр стал всего лишь очередным проявлением лживости и бесстыдства российского правительства, стремящегося с его помощью разрешить свои внутри- и внешнеполитические проблемы. Столь же критически мыслитель оценивал и возможные результаты конференции, подчеркивая, что господствующая политическая философия в принципе не способна на серьезные сокращения вооружений и военных бюджетов. Единственной практической пользой от мирного форума могло стать лишь избавление от иллюзий при последующих демонстрациях государственного пацифизма. Данному виду миротворчества – контрпродуктивному, фальшивому и циничному – писатель противопоставлял общественные усилия, борьбу за мир отдельных людей и движений. Лишь нравственное совершенствование человечества, через осознание каждым человеком губительности и преступности военных конфликтов, было способно, по глубокому убеждению Толстого, принести реальные плоды в борьбе с милитаризмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несмотря на то что под текстом статьи стоит дата 15 августа, окончательный вариант был закончен в конце августа, не позднее 27-го по старому стилю [12, с. 287].

² Показательно, что через восемь лет, в связи с проведением второй Гаагской мирной конференции, на повторный запрос газеты «New York World» Толстой ответил практически в тех же выражениях [22, с. 116–117].

³ Статья, с данным редакцией заглавием «По поводу конгресса о мире. Письмо шведам», была напечатана в издаваемых в Лондоне В.Г. Чертковым журналах на русском языке «Листки Свободного слова» и «Свободная мысль» [21, с. 368].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 151 (Политархив).

2. Брок, П. Русские сектанты-пацифисты и военная служба, 1874–1914 гг. / П. Брок // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. – М. : ИВИ РАН, 1997. – С. 115–121.

3. Ёкота-Мураками, Т. Лев Толстой и пацифизм: со сравнительной и «генеалогической» точки зрения / Т. Ёкота-Мураками // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. – М. : ИВИ РАН, 1998. – С. 114–121.

4. Камаровский, Л. А. Гаагская мирная конференция / Л. А. Камаровский. – М. : Кн. магазин М.В. Клюкина, 1902. – 104 с.

5. Конференция в Гааге. Обмен мнений шведского общества и Л.Н.Толстого. – Женева, 1899. – 24 с.

6. Николаев, Н. Ю. Российская общественность и Гаагская мирная конференция 1899 г. / Н. Ю. Николаев // Вопросы отечественной и всеобщей истории: сб. ст. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2007. – С. 34–44.

7. Толстой, Л. Н. № 541 (5 февраля 1899 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 88. Письма В.Г. Черткову, 1897–1904. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1957. – С. 153–155.

8. Толстой, Л. Н. В редакцию газеты «New York World». Черновое (январь – апрель 1899 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 72. Письма, 1899–1900. – М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1933. – С. 116–117.

9. Толстой, Л. Н. В редакцию газеты «The Sunday World» (20–22 августа 1898 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 71. Произведения 1890–1900. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1954. – С. 430.

10. Толстой, Л. Н. Группе шведской интеллигенции (7–9? января 1899 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 72. Письма 1899–1900. – М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1933. – С. 9–17.

11. Толстой, Л. Н. «Две войны» / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 31. Произ-

ведения 1890–1900. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1954. – С. 97–104.

12. Толстой, Л. Н. «Две войны». История писания и печатания / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 31. Произведения 1890–1900. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1954. – С. 287–288.

13. Толстой, Л. Н. Дневник (1900–1903). 13 марта 1900 г. / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 54. Дневник, записные книжки и отдельные записи 1900–1903. – М. : Худож. лит., 1935. – С. 10–15.

14. Толстой, Л. Н. Иоанасу Стадлингу (12 января 1899 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 72. Письма 1899–1900. – М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1933. – С. 31–32.

15. Толстой, Л. Н. Не убий / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 34. Произведения 1900–1903. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1952. – С. 200–205.

16. Толстой, Л. Н. Одумайтесь! / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 36. Произведения 1904–1906. – М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1936. – С. 100–148.

17. Толстой, Л. Н. Патриотизм и правительство / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 425–444.

18. Толстой, Л. Н. «Патриотизм и правительство». История писания и печатания / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 445–447.

19. Толстой, Л. Н. Письмо С.Л. Толстому (15 февраля 1899 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 72. Письма 1899–1900. – М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1933. – С. 72–74.

20. Толстой, Л. Н. По поводу конгресса о мире. Письмо шведам / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 60–66.

21. Толстой, Л. Н. «По поводу конгресса о мире. Письмо шведам». История писания и печатания / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – С. 367–368.

22. Толстой, Л. Н. Редакции газеты «New York World» (27 мая 1907 г.) / Л. Н. Толстой // Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 77. Письма 1907. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. – С. 116–117.

23. Толстой, С. Л. Очерки былого / С. Л. Толстой. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1965. – 512 с.

24. Männer der Wissenschaft über die Friedens-Konferenz. Mit vorw. von Halpert. Gesammelt von der Berliner wissenschaftlichen korrespondenz / hrsg. Artur Kirchoff. – Berlin ; Stankiewicz, 1899. – 64 S.

L.N. TOLSTOY AND THE 1899 HAGUE PEACE CONFERENCE

N. Yu. Nikolaev

L.N. Tolstoy's opinion on the 1899 Hague Peace Conference is revealed and the governmental policy, under the name of «State pacifism» is criticized by the author.

Key words: *conference, pacifism, militarism, war, disarmament, government, military service.*